

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Большакова Ольга Владимировна

**История императорской России в зарубежном россиеведении:
теории, источники, интерпретации (1940-2010-е годы)**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре источниковедения исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный консультант –

Селунская Наталья Борисовна,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты –

Горизонтов Леонид Ефремович,
доктор исторических наук,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»»,
факультет гуманитарных наук,
Школа исторических наук, профессор
Михальченко Сергей Иванович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика Г.И.
Петровского», Институт экономики, истории
и права, директор
Сидоров Александр Валентинович, доктор
исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», факультет
государственного управления, заведующий
кафедрой истории государственного и
муниципального управления

Защита состоится «16» мая 2022 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.01 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27), а также на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/418008147/>

Автореферат разослан « » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Н.Г. Абрамова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация посвящена профессиональному изучению истории императорской России за рубежом, которое с конца 1940-х годов осуществлялось в рамках дисциплины Russian studies. В центре внимания – эволюция интерпретаций зарубежных историков, в основе которой лежали как актуальные научные теории, так и образы императорской России, преобладавшие в профессиональном дискурсе в тот или иной период.

Актуальность и научная значимость темы. Зарубежная историография России прошла большой путь, выработав целый ряд собственных концепций, которые изменялись с течением времени. Они представляют большой научный и познавательный интерес, поскольку понимание страны невозможно без осмысления ее истории.

Первые сообщения западных путешественников о Московии XVI-XVII вв. стали источником сведений о стране, все более активно входившей в соприкосновение с Европой. По мере расширения контактов объем информации неуклонно расширялся, составив фундамент из фактов, мифов и этнических стереотипов, на котором выстраивался образ России за рубежом. На протяжении последних трех столетий для России в ее сложных отношениях взаимодействия/противостояния с Западом вопрос о формировании ее образа имел прямое отношение к определению ее места в мире, в конечном итоге – к выковыванию собственной идентичности. Условный «Запад» также был озабочен проблемами восприятия и самоидентификации, и начиная с XVII в. Россия становится для него значимым «Другим», отталкиваясь от которого можно было бы выстраивать собственные позитивные «автообразы». Складывавшийся в общественном сознании разных стран многомерный и многозначный образ определял не только отношение их граждан к России, но и внешнюю политику¹. Только в XX в., когда роль экспертного знания в

¹ См.: Журавлева В.И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881-1914. М., 2012.

формировании политического курса стала признаваться повсеместно, профессиональное изучение России/СССР обрело статус научной дисциплины.

После Второй мировой войны в США, а затем и в других странах возникают центры региональных исследований, междисциплинарные по своему характеру, в которых изучают другие страны и цивилизации. СССР, как главный соперник в начавшейся холодной войне, получает приоритетное внимание в том, что касалось финансирования и лоббирования. Однако несмотря на то, что противостояние двух сверхдержав разворачивалось как борьба двух идеологий, подход к изучению потенциального врага был весьма широким и поистине научным. История, язык и литература стали главными направлениями зарубежных исследований России/СССР.

Динамика в эволюции научного знания о России за рубежом отразилась в терминологии. До Второй мировой войны при обозначении исследований, относящихся к России и славянским странам, превалировало Slavic (брит. Slavonic) studies, Slavistics. Термин перекликался с русским названием науки «славистики» и подразумевал в первую очередь славянскую филологию и только во-вторых – историю, что отражало тогдашнее состояние науки. Вскоре после войны возникает наименование Russian/Soviet studies, которое получило широкое распространение и указывало на междисциплинарный цивилизационный подход, с предпочтением социальных наук и истории. Термин «советология» (Soviet studies/Sovietology) вошел в научный обиход в 1960-е годы и относился к исследованиям политики советского государства, в то время как исторические исследования СССР находились тогда в стадии зарождения (и получили название Soviet history). Советология не приветствовалась зарубежными историками, а для русского читателя этот термин приобрел исключительно идеологизированное звучание, с

уничжительными определениями². Созданный на пике холодной войны образ «буржуазной лженауки», обслуживающей интересы мирового империализма, до сих пор присутствует в термине «советология», хотя как отдельная субдисциплина она уже прекратила свое существование.

В отечественной науке принят термин «россиеведение», который подразумевает изучение России как особой цивилизации. Такой подход был присущ зарубежным региональным исследованиям послевоенного времени. В настоящее время «особость» не находится в числе приоритетов зарубежной науки, и основное внимание уделяется взаимодействию, транснациональным связям, в то время как национальные границы не акцентируются. Поэтому географический ареал современного зарубежного россиеведения достаточно широк и включает в себя как минимум регион России/СССР и стран Восточной Европы. Как правило, сегодня используется термин *Russian and East European studies*, сокращенно REES. При этом все чаще в зарубежных исследованиях возникает указание на более обширный регион Евразии, как это произошло в случае переименования Американской Ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS) в Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES). В дисциплинарном отношении история по-прежнему занимает ведущее положение в этой организации, которая стала «зонтиком» для множества других дисциплин, изучающих регион.

Учитывая то обстоятельство, что в зарубежной науке история перешла в разряд гуманитарных дисциплин, неудивительно, что сами историки-русисты предпочитают «россиеведению» «русистику» (по аналогии со славистикой). Имеются и другие соображения в пользу термина «русистика». В частности, для немецкоговорящих читателей корень «-ведение» подразумевает

² См.: *Малиа М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93-109. Речь идет также о таких сугубо прикладных субдисциплинах, как *Kremlinology* и *Soviet and Communist studies*.

поверхностный, популярный, а не научный взгляд и ассоциируется с краеведением, что «не совсем ясно транслирует смысл английского или немецкого термина “Russian studies”/ “Russlandstudien”»³. В настоящей работе, тем не менее, два этих термина используются как взаимозаменяемые. Однако поскольку в центре внимания находится изучение истории России, используется и термин «историческая русистика».

Объектом диссертационного исследования является зарубежное россиеведение как научная дисциплина во всем ее временном развитии, с акцентом на изучении истории⁴. При этом основное внимание уделяется англоязычному россиеведению, поскольку оно безоговорочно первенствует в том, что касается инфраструктуры – наличия центров и учебных заведений, где изучается Россия. А если судить по количеству книжных публикаций по истории России досоветского периода, в процентном отношении на североамериканскую историографию (США и Канада) приходится примерно 80%, на британскую (и небольшую австралийскую) – около 10%, немецкоязычную (Германия, Австрия и Швейцария) – 5%, остальные 5% делят между собой французская, итальянская, скандинавская и японская историографии⁵. Не так давно к ним присоединился Китай. В условиях глобализации науки ведущей тенденцией нового тысячелетия, которая затронула и зарубежное россиеведение, стал повсеместный переход на английский в качестве языка научной коммуникации⁶. Он стал

³ *Плате А.* Трудности российского понимания современной немецкой русистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 4. С. 1329-1330.

⁴ История продолжает сохранять свое ведущее положение в REES. На ежегодном съезде ASEES в 2011 г. тематика докладов распределилась следующим образом: история – 36%, литература и культура – 29, социальные науки – 15; остальные 20% поделили между собой гендерные исследования, иудаика, изучение религии и др. См.: *Park L.* 2011 Executive director’s report // NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies. 2012. Vol. 52, N 1. P. 17-18.

⁵ Подсчитано автором по состоянию на 2014 год. Учитывались работы, отрецензированные в ведущих журналах.

⁶ Так, для завоевания широкой англоязычной аудитории издательство Berghahn Books, в рамках целевого проекта «Новые германские исторические перспективы», публикует работы немецких историков на английском языке.

цементирующим фактором для поистине космополитичного сообщества специалистов по России, среди которых много выходцев из разных стран, что придает прежде исключительно «западной» дисциплине REES глобальный характер.

Предметом исследования выступают интерпретации истории императорской России в зарубежной историографии.

Рассмотрение содержательной стороны зарубежной историографии России невозможно без уяснения тех основ, на которых она создавалась, а в конечном счете – специфики профессионального дискурса. Последнее наряду с анализом основополагающих теорий и концепций предполагает выявление базовых понятийных категорий, определяющих создание профессиональных текстов об истории России. Кроме того, необходимо учитывать и обыденные стереотипы, и историографические клише, многие из которых ведут свое происхождение из века Просвещения и в ряде случаев не утратили своих позиций до настоящего времени. В наиболее общем виде представления о России концентрируются в историографических образах, которые задают вектор того или иного исследования. Следует принимать в расчет и национальные особенности дискурса, обусловленные традицией, а поскольку в центре внимания находятся работы англоязычных историков – англосаксонский тип научного мышления с присущими ему особенностями стиля и аргументации.

Принципиальным для анализа интерпретаций зарубежных историков-русистов является проведение различия между публичным и профессиональным – историографическим дискурсами. Профессиональный дискурс выковывался в послевоенное двадцатилетие в противостоянии с публичным, который оперировал накопившимися стереотипами и клише о России. Окончательно утвердившись в 1970-е годы, историографический дискурс, тем не менее, активно отстаивал свои границы, что выражалось прежде всего в откликах на ту или иную нашумевшую публикацию.

В то же время для адекватного понимания интерпретаций исключительное значение имеет контекст, который включает в себя такие существенные с точки зрения интеллектуальной истории науки элементы, как институциональный аспект, т.е. организационную составляющую дисциплины, а также конкретно-исторические обстоятельства, политический и интеллектуальный климат эпохи, и даже конкретную ситуацию, в которой писались те или иные труды.

Воздействие «политики» на исследовательскую повестку дня и интерпретации историков – особенно важная проблема для дисциплины, долгое время развивавшейся в условиях холодной войны. В этом отношении избранный для рассмотрения предмет – история императорской России – представляет собой относительно нейтральную территорию, лежащую между крайней политизацией и «чистой» наукой. Именно в этой области зарубежная историография наименее идеологизирована и наиболее свободна в своих интерпретациях. Из тех же соображений основное внимание в работе уделяется периодам стабильности – реформам, а не революциям. Это оправдано и с формальной точки зрения, так как историография Русской революции, будучи главной точкой идеологического противостояния двух исторических школ во времена холодной войны, в 1970-е годы отошла к сфере Soviet history и Soviet/Communist studies.

Цель исследования – выявить характер и содержание динамики и определить познавательный потенциал профессионального исторического знания об императорской России в зарубежном россиеведении, а также влияние ментальных конструктов-«образов России» на историческое сознание в контексте конкретно-исторических условий их формирования и развития.

Задачи диссертации состоят в следующем:

- Проследить историю формирования и развития дисциплины Russian studies, с особым акцентом на изучении истории императорской России;

- Рассмотреть теоретические основы профессионального знания об истории России с учетом смены научных парадигм;
- Изучить трансформации характера взаимосвязей зарубежного россиеведения с советской и постсоветской историографией;
- Выявить ведущие тенденции в исследованиях истории императорской России за рубежом, проанализировать их методологию и основные концепции;
- Охарактеризовать историографические образы императорской России, сложившиеся в зарубежном россиеведении на разных этапах его развития.

Хронологические рамки исследования двойные, поскольку у объекта и предмета изучения темпоральность различается. Первый слой хронологии определен в названии диссертации и обусловлен историей развития зарубежного россиеведения. Хотя зарождение этой дисциплины относят к XIX в., о профессионализации исторического знания о России и его окончательной институализации с уверенностью можно говорить только начиная с послевоенного времени, когда создается дисциплина *Russian studies*.

Периодизация исследования определяется в работе с опорой на исторические изменения, которые при этом тесно связаны со сменой исследовательских парадигм. Выделяются три значимых периода: конец 1940-х – конец 1960-х годов. 1968 год – достаточно условная, но важная веха, обозначившая перемены и в мировой науке, и в образовании, в том числе в организационном отношении. Следующий период – конец 1960-х – конец 1980-х годов. Его окончание отмечено двумя важными для зарубежного россиеведения датами: 1989 год – падение Берлинской стены, ознаменовавшее окончание холодной войны, и 1991 год – распад Советского Союза и крушение коммунистической системы. С этого момента начинается третий, постсоветский период, в котором определенно просматривается отдельная эпоха 1990-х годов, характеризующаяся активной деполитизацией и деидеологизацией дисциплины *Russian studies* наряду с глубоким пересмотром прежней историографии.

Второй хронологический слой исследования значительно шире и относится к его предмету. Это период русской истории, изучаемый зарубежной историографией; он также задан в названии работы («императорская Россия»). Однако если раньше к хронологии существования Российской империи подходили формально-юридически, и соответственно она охватывала два столетия до 1917 г., то в новом тысячелетии Россию стали относить к разряду строившихся в Раннее Новое время империй, и ее начало усматривают в XVI в. Формальной датой многие считают взятие Казани. Это обстоятельство позволяет включить в рассмотрение значимые работы по допетровскому периоду, а также обратиться к проблеме евразийства России.

Географические рамки исследования также являются двойными, охватывая в первом случае страны, в которых развивалось россиеведение (с акцентом на США), а во втором – Российскую империю в ее государственных границах. Они расширяются в работах нового тысячелетия, поскольку, с одной стороны, изменяется географическая таксономия («постсоветское пространство»), с другой – усиливается внимание к контактными зонам империй и транснациональным процессам.

Методологическая основа исследования. В методологическом отношении решающими для настоящего исследования являются принципы историзма, системности и объективности, что предполагает привлечение всей полноты источников с их последующим отбором, критический подход к их анализу, системность и доказательность суждений, обоснованность выводов. В соответствии с принципом историзма исследование опирается на представление об историографическом процессе как процессе системном, изменчивом, относительном. Центральным является понятие культурно-исторической обусловленности познавательных моделей науки и ее базовых концептов. Таким образом, речь идет об историографии как своего рода интеллектуальной истории, объединяющей в себе целый ряд научных дисциплин. В соответствии с науковедческим подходом учитывается

значимость институциональных форм и организационных основ исторического знания⁷. Здесь уместны и подходы новых субдисциплин – антропологии науки и антропологии знания⁸. Ключевым для настоящего исследования является междисциплинарный имагологический подход с его вниманием к изучению образов «Другого» и процессов взаимовосприятия, при этом предпочтение отдается исторической и культурной антропологии.

Современная антропология дистанцировалась от науки эпохи модерна, когда основной задачей исследователей было *объяснение*, и сосредоточилась на *понимании*. Такой подход реализуется в антропологической герменевтике, которая значительно отличается от сложившейся на рубеже XIX-XX вв. исторической герменевтики. Историческая герменевтика подразумевала изучение национального прошлого, вживания, вчувствования в жизнь своих предков. Антропологическая, ассоциирующаяся с такими именами, как Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр, М. Фуко, Ж. Деррида, М.М. Бахтин, нацелена на изучение других культур и народов и их прошлого. В основе ее методологии лежит понимание «Другого». При изучении других культур антропологи отдают себе отчет в том, что исходят из собственной идентичности, идут «от себя» к «другому», ищут в нем черты сходные или противоположные⁹.

⁷ Указанный подход развивается в нашей стране в рамках направления «новой интеллектуальной истории». См. альманах «Диалог со временем», выпускаемый Центром интеллектуальной истории ИВИ РАН, а также работы Л.П. Репиной: *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998; *ее же.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011 и др.

⁸ В нашей стране это направление представлено в рамках этнологии и рассматривает ученого и как человека своей эпохи, и как члена научного сообщества. См.: Антропология академической жизни: Традиции и новации / Отв. ред. Г.А. Комарова. М., 2013.

⁹ *Гадамер Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; *Фуко М.* Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981-1982 уч. году / Пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб., 2007; *Bernstein R.J.* Incommensurability and otherness revisited // *Culture and modernity: East-West philosophic perspectives* / Ed. by E. Deutsch. Honolulu, 1991. P. 85–103; *Taylor Ch.* Understanding the other: A Gadamerian view on conceptual schemes // *Gadamer's century: Essays in honor of Hans-Georg Gadamer* / Ed. by J. Malpas, U. Arnsward, J.Kertscher. Cambridge, 2002. P. 279–297.

Механизмы формирования идентичности, т.е. представлений о себе индивидов, групп и даже государств, получили прочную методологическую основу в идентитарных исследованиях. При всем разнообразии подходов и независимо от дисциплинарной принадлежности авторов эти механизмы описываются при помощи концептуальной пары «Я-Другой». Имеется в виду, что собственная идентичность («Я») выстраивается путем соотнесения себя с образом значимого «Другого», который наделяется чертами, по определению противоположными¹⁰.

Дискурс о себе и «Другом» строится на структуре оппозиций, причем когда речь идет о странах и народах, первостепенное значение имеют такие базовые оппозиции, как «свобода / рабство», «цивилизация / варварство», «прогресс / отсталость» и, наконец, «Запад / Восток». Все эти понятия имели прямое отношение к историографическому дискурсу зарубежного руссиеведения. Исходным тезисом диссертации является утверждение, что в своих исследованиях историки-русисты выступали как представители западной цивилизации и изучали Россию как «Другого» (но при этом находили в ней черты не только негативные, но и позитивные).

С этой точки зрения основополагающее значение для настоящей работы имеет понятие «запад», которое используется как аналитический инструмент, однако не в рамках сформировавшейся в германской традиции истории понятий (*Begriffsgeschichte*),¹¹ – хотя обращается внимание и на то, как те или иные понятия изменялись во времени. В данном случае мы опираемся на сравнительно новую для истории дисциплину, использующую достижения лингвистики, психологии и политической науки, но при этом теснейшим

¹⁰ См.: Routledge handbook of identity studies / Ed. by Elliott A. N.Y., 2011.

¹¹ См., в частности, фундаментальное издание Германского исторического института в Москве: Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. М., 2014-2016.

образом связанную с Begriffsgeschichte. В центре ее внимания находятся социально-политические концепты¹².

Социально-политический концепт представляет собой нечто более сложное, чем просто термин или понятие. Его можно было бы определить как конгломерат смыслов и культурных ассоциаций, который характеризуется многозначностью и при этом имеет эмоциональную и ценностную составляющую, что придает концепту дополнительную силу воздействия.

Классическим примером выступает социально-политический концепт «Запад», который, в отличие от географического термина «запад», обозначает не только направление, а может указывать на группу стран, на цивилизацию, на соответствующий образ жизни. Он наполнен политическими коннотациями, отсылая нас к таким понятиям, как рациональность, свобода, демократия, конституционное правление, власть закона, средний класс, частная собственность, индивид, права человека. Универсальные ценности получают пространственное измерение: их располагают на западе. Имеется и временное измерение, поскольку основополагающее место в этом концепте занимает идея прогресса, движения вперед во времени, к лучшему будущему. Эти условно «западные» политические понятия вызывают эмоциональную реакцию, положительную или отрицательную, именно поэтому говорят, что концепт «Запад» превратился в орудие политической борьбы и приобрел власть над умами¹³.

В работе используются и другие концепты – т.е. те сложносоставные понятия, которые наряду с отношениями неравенства содержат в себе некую оценочность и также апеллируют к эмоциям (в частности, «восточный деспотизм»).

¹² History of concepts: Comparative perspectives / Ed. by Hampsher-Monk I., Tilmans K., van Vree F. Amsterdam, 1998. С начала 2000-х годов в Голландии выходит журнал “History of concepts”.

¹³ Germany and “the West”: The history of a modern concept / Ed. by Bavaj R., Steber M. N.Y.; Oxford, 2015. P. 7-8.

Концепт «Запад» является ключевым маркером для выделения в массиве зарубежных исторических исследований императорской России историографических образов. Будучи, как и любой образ, конструкцией и результатом субъект-объектных отношений, историографический образ отличается от исторического, который в каком-то смысле можно приравнять к исторической памяти¹⁴. Тесно связанный с коллективными представлениями эпохи, с нормами научности, историографический образ является продуктом применения исторической критики к исследуемому прошлому и к уже существующим историческим образам. В настоящем исследовании речь идет о наиболее обобщенных, собирательных (и несомненно редуцированных) образах, которые являлись определяющими в том или ином контексте и составляли то «предзнание», с которым историк подходит к изучаемому предмету.

Источниковая база исследования обширна и разнообразна, хотя включает в себя только опубликованные материалы.

Основным источником для настоящей работы являются научные *монографии, сборники и статьи* зарубежных историков, опубликованные начиная с 1940-х годов и посвященные истории императорской России.

Количество их крайне велико, и потому особое значение приобретает репрезентативность выборки, что предполагает жесткий и одновременно корректный отбор. Поскольку целью работы является изучение научно-исторического знания об императорской России, изначально были отсечены социология, политология, философия, журналистика и публицистика. Некоторые работы привлекаются выборочно, в качестве опоры (или точки отталкивания) для анализа профессиональных исторических концепций. Отсекаются учебники, которые представляют собой совершенно особый вид источников, отражающих идеологическую и политическую повестку дня.

¹⁴ См. об этом: *Ретина Л.П.* Образы прошлого в памяти и в истории // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени.* М., 2003. С. 9.

Профессиональное знание отображено в них далеко неадекватно, да и составители учебников не поспевают за его развитием. Сказанное касается и обобщающих исторических трудов (в зарубежной историографии их принято называть «большими нарративами»). Они актуальны для раннего периода развития зарубежного россиеведения, когда нарабатывался фундамент дисциплины. Начиная с 1960-х годов в зарубежной науке (не только в исторической) получают распространение так называемые «кейсы» (case-studies), т.е. работы, посвященные исследованию той или иной проблемы (узкой или достаточно широкой) и выполненные в жанре научной монографии или статьи.

Предпочтение в настоящем исследовании отдается работам монографического жанра, которых также крайне много (в частности, за период 1992-2012 гг. в США было выпущено более 1 тыс. монографий по истории России/СССР, из них приблизительно половина – по императорской России)¹⁵. Основным критерием отбора являлись уровень и качество монографии (здесь вспомогательными инструментами первичного отбора служат издательство и наличие рецензий в ведущих журналах). Далее следует оценить научный вес исторического труда, актуальность, наконец, его место в историографическом ландшафте.

Журнальные статьи в данном случае могут стать определенной опорой, позволяя выделить круг ведущих авторов и тем и реконструировать научный контекст «здесь и сейчас». *Журналы*, тем более взятые как отдельные целостности в виде номеров со своей внутренней композицией, являются путеводителем по науке того или иного периода. Однако необходимо учитывать их статус, роль и место в научной инфраструктуре, их научные интересы и, безусловно, политику редакции.

¹⁵ Подсчитано автором. См.: *Большакова О.В.* Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны: Монография. М., 2013. С. 183-238.

Весьма репрезентативны для определения ведущих тенденций *материалы журнальных дискуссий*, но следует внимательно подходить к их отбору и оценке в качестве источника. Как правило, предметом дискуссий являются прорывные исследования, выдвинувшие положения и аргументы, которые опровергают или даже дезавуируют устоявшиеся мнения. В то же время научное сообщество достаточно остро реагирует и на книги популярного характера, которые можно было бы отнести к разряду «публичной истории». Такие работы вызывают большой резонанс, получают «прессу», однако скорее выступают в качестве повода для специалистов высказать свое компетентное мнение и отстоять границы исторической науки. Журнальные «форумы» такого рода представляют собой точки столкновения публичного и профессионального дискурсов.

Отраженная на страницах журналов «научная жизнь» включает в себя *конференции, симпозиумы и семинары*. Их продуктом являются *сборники*, крайне репрезентативные в том, что касается определения актуальных тем (хотя выходят они, как правило, с большим опозданием).

Рецензии и получившие в последние 20 лет широкое распространение *обзорные рецензии* (review article) являются своего рода маркерами интереса научного сообщества к тому или иному исследованию. Будучи весьма показательными для характеристики историографического дискурса, рецензии тем не менее требуют учета авторства (как книги, так и самой рецензии), места и времени публикации.

Взятые в совокупности за достаточно большой хронологический период, все эти материалы позволяют выделить так называемый «мейнстрим» - ведущие тенденции в исторической русистике в тот или иной период времени. Ему и отдается предпочтение в настоящей работе, нацеленной при этом на выявление того нового, что появлялось в историографии. Такой подход определяется и самим на редкость динамичным характером

дисциплины Russian studies, и многолетним опытом работы автора в ИНИОН РАН.

Еще один источник, крайне полезный для анализа состояния дисциплины, – *диссертации*, которые дают возможность не только оценить круг актуальных тем, но и дать некоторые прогнозы, поскольку составляют, по сути, потенциал науки. Вспомогательный, в чем-то технический характер носят *библиографии* и *указатели содержания* (индексы) журналов.

Ценным источником по организации науки служат *публикации ученых обществ*. Особенно следует отметить орган Американской ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) «Ньюслеттер», в котором содержится множество сведений о том, что происходит в дисциплине (включая ежегодные отчеты и аналитические доклады).

Относительно новый вид источников, исключительно полезный для настоящего исследования – *ресурсы Интернета*, которые наряду с базами данных источников, как опубликованных, так и архивных, включают в себя образовательные сайты, сайты университетов и ученых обществ, наконец, блоги (как, например, Russian history Blog).

В работе использованы и *источники личного происхождения*, хотя и немногочисленные: воспоминания зарубежных историков, интервью с ними, которые периодически публикуются в журналах и представлены в проектах по устной истории (например, проект библиотеки Банкрофт Калифорнийского университета в Беркли). Они дают прекрасный биографический материал для реконструкции истории послевоенной русистики, так же как и *некрологи*,

Особый жанр – историографические работы зарубежных русистов, которые можно отнести как к источникам, так и к литературе. В англоязычном руссиеведении отсутствует традиция историографических исследований в том виде, как она существовала в нашей стране. Однако кризисные 1990-е годы побудили историков-русистов обратиться к осмыслению своей дисциплины,

ее истории и текущей ситуации. Эта рефлексия свидетельствует, во-первых, о зрелости дисциплины, и во-вторых, о ее «живом» состоянии, несмотря на ламентации по поводу угасания интереса к России и сокращения как количества студентов, так и рабочих мест.

Большинство статей такого рода написаны видными специалистами и содержат не только наблюдения, но и обобщения относительно методологических проблем. В какой-то степени, однако же, они являются и источниками, поскольку в них содержатся сведения о ситуации в дисциплине, воспоминания и вполне оценочные суждения. «Проблемным точкам» истории императорской России (а также революции) уделяется достаточно много внимания в статьях Л. Энгелстейн, С. Коткина, М. фон Хагена, К. Келли, Г. Янг и др.¹⁶.

Степень изученности проблемы. Интерес к зарубежной историографии в отечественной науке неуклонно растет. Интерпретации истории императорской России в трудах зарубежных специалистов все чаще рассматриваются в проблемно-тематических статьях историков, философов и даже юристов. В большинстве случаев они пишутся не профессиональными историографами, и в них можно встретить весьма наивные суждения о том, что в зарубежных исследованиях представлены оценки, «не отягощенные идеологическими и другими стереотипами»¹⁷. Как правило, эти статьи посвящены достаточно узкой теме, сфокусированы на конкретных вопросах и

¹⁶ *Buckler J.* What comes after «Post-Soviet» in Russian studies? // *PMLA*. 2009. Vol. 124, N 1. P. 251–263; *Engelstein L.* “Culture, culture everywhere...”: Interpretations of modern Russia, across 1991 divide // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2001. Vol. 2, N 2. P. 363–395; *Engelstein L.* Paradigms, pathologies, and other clues to Russian spiritual culture: Some post-Soviet thoughts // *Slavic rev.* 1998. Vol. 57, N 4. P. 864–877; *Hagen M. von.* Empires, borderlands and diasporas. Eurasia as anti-paradigm for the post-Soviet era // *American historical review*. 2004. Vol. 109. N 2. P. 445–468; *Kotkin S.* The state – is it us? Memoirs, archives, and kremlinologists // *Russian rev.* 2002. Vol. 61, N 1. P. 35–51; *Viola L.* The Cold War in American Soviet historiography and the end of the Soviet Union // *Russian rev.* 2002. Vol. 61, N 1. P. 25–34, и др.

¹⁷ *Елисафенко М.К.* История российского земства в зарубежной историографии XIX–XX вв. // *Вестник Шадринского педагогического университета*. 2019. № 2(42). С. 178.

обычно носят обзорный, компилятивный характер. В них используется не так много литературы, и выводы часто нельзя признать основательными¹⁸. На таком материале невозможно выявить какие-то общие тенденции, однако встречаются и куда более качественные и масштабные работы, посвященные изучению императорской России¹⁹. К сожалению, большинство их вышло достаточно давно, так что современный этап зарубежных исследований по истории императорской России в них не затрагивается.

Учитывая комплексный характер заявленной темы, в ее изучении использовалась литература по достаточно разнообразной проблематике.

Большое значение имеют монографии и статьи по истории науки, посвященные раннему этапу формирования русистики и уделяющие много внимания Русскому зарубежью²⁰. Они содержат богатейший материал по истории создания организационных структур и персоналиям. Не менее важны

¹⁸ Дубина В.С., Польской С.В. «Особый путь» русского дворянства в отечественной и зарубежной историографии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 2. С. 227-234; Злобин П.Ю. Институт генерал-губернаторской власти Российской империи в современной зарубежной историографии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 10. С. 4-11; Петухов А.В. Христианизация народов Среднего Поволжья в середине XVIII века в освещении современной американской историографии // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 64-70; Ананьев Д.А. Крестьянские переселения в Сибирь и на Дальний Восток в пореформенную эпоху в оценках англо-американских и немецких исследователей (конец XIX - начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 120-130; Лысцова А. С. Правящая элита и система патронажа в России XVIII в. в англоязычной историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т.10. Вып. 4(78). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840005886-3-1/> (дата обращения: 12.09.2021). DOI: 10.18254/S207987840005886-3; и др.

¹⁹ Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). М., 1995; Ефимов О.В. Аграрная реформа П.А. Столыпина в англо-американской историографии. Петрозаводск, 2002; Дорожкин А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // Отечественная история. 2006. № 2. С. 116-135 и др.

²⁰ См., в частности: Петров Е.В. История американского россиеведения: Курс лекций. СПб., 1998; он же. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия: источники и историография. СПб., 2000; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005; Трибунский П.А. Российское зарубежье и становление россиеведения в Великобритании и США (конец XIX - 1920 г.). М., 2021.

работы, посвященные «советологическому» этапу в развитии Russian studies, поскольку вводят в научный оборот сведения, практически не известные или малодоступные, в том числе из зарубежных и ведомственных архивов²¹.

Истории американской советологии посвящена фундаментальная книга Д. Энгермана²². Его труд основан на большом массиве источников и содержит массу ценной информации о состоянии дисциплины и обстоятельствах ее институционального развития. Однако автор явно отождествляет советологию со всей дисциплиной Russian studies. Соответственно, история и филология представлены в книге достаточно скромно, хотя и дается несколько абзацев о роли П.А. Зайончковского в подготовке его американских стажеров. Тем не менее, метафора Энгермана о «союзе Марса и Минервы» – военных и ученых – прочно вошла в научный оборот, а его аргументированный вывод о том, что идеологи холодной войны не вмешивались в исследования и не мешали «делать науку», лег в основу подхода в данном диссертационном исследовании.

Взаимодействие советской исторической науки с зарубежными историками-русистами рассматривается в интересной статье Д. Ковпака, посвященной творчеству А.Л. Шапиро²³. Он обращается к такой форме научной коммуникации, как взаимное рецензирование, отмечая несовпадение систем профессиональных ценностей в академических сообществах, разделенных «железным занавесом». Интересный материал по этой теме был

²¹ *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М.: РОССПЭН, 2003; *он же.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950-1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: СмолГУ, 2016; *Меньковский В.И.* Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. Минск, 2000.

²² *Engerman D.* Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2009.

²³ *Ковпак Д.* Советский историк и зарубежная наука: Александр Львович Шапиро и западные историки-русисты // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры - Русское издание. 2014. № 1. С. 274-295.

дан в 2000 г. в статье А.М. Филитова, касавшейся немецкой историографии России²⁴.

Общие тенденции в изучении зарубежного россиеведения в нашей стране просматриваются в учебном пособии, подготовленном РГГУ для слушателей магистратур²⁵. Для него характерна крайняя пестрота тем и поразительно разный уровень и масштаб их рассмотрения. В целом же очевидно, что предпочтение отдается институциональному аспекту зарубежного россиеведения (центры по изучению России/СССР в разных странах, архивные и библиотечные ресурсы и т.д.), а также влиянию на него Русского Зарубежья. И безусловно организующим центром для проекта в целом является советология в ее тесной связи с проблемами национальной безопасности. Для диссертационного исследования интерес представляет небольшой раздел, написанный Ф.Г. Тараторкиным²⁶.

Отечественные исследования современного состояния зарубежного россиеведения, несмотря на все возрастающую актуальность темы, пока не набрали необходимого для развития багажа и весьма фрагментарны. Основное внимание в них уделяется истории советского периода, при этом, как правило, не проводится разграничение между русской/советской историей и советологией, которая всегда находилась на грани пропаганды. Некоторые статьи написаны достаточно давно, когда тень уже исчезнувшей дисциплины еще лежала на отечественных исследователях²⁷. Но под обаянием советологии находятся и более молодые авторы, почти не замечая колоссальную по своему

²⁴ *Филитов А.М.* Научные связи историков в годы «холодной войны»: взгляд с «другой стороны» // Отечественная история. 2000. № 4. С. 128-139.

²⁵ Зарубежное россиеведение / Под ред. Безбородова А.Б. М., 2012.

²⁶ *Тараторкин Ф.Г.* От россики к советологии: Формирование образа России в британском научном россиеведении в XX в. // Ук.соч. С. 417–423.

²⁷ *Олегина И.* Изучение истории России в США и Великобритании: новые тенденции и наследие советологии // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М.: АИРО-XX. 2003. С. 412-447; *Сальникова А.А.* Кто и как будет изучать российскую историю в США в XXI веке: О формировании образа историка-россиеведа в американской историографии // Россия и современный мир. 2003. № 1 (38). С. 150-170.

объему историографию императорской России и меньшую, но также значимую, – Московской Руси. При всех заявках на изучение историографии, в центре внимания находится советское прошлое и постсоветское настоящее²⁸.

Кроме того, существует проблема репрезентативности отбора анализируемых источников, что приводит к существенным искажениям. Так, И.Е. Рогаева делает выводы о хронологических пристрастиях историков-русистов на основании процентного соотношения публикаций в трех журналах, два из которых не являются ни ведущими, ни показательными. Для своих заключений о методологических инновациях она берет книги и статьи, которые можно отнести к маргинальным²⁹. По большей части «современные тенденции» такой динамичной дисциплины, какой является русистика, выявляются на основании литературы двадцатилетней давности. Такая же путаница, небрежность и некорректность, включая ошибки в именах авторов и названиях их трудов, наблюдаются и в статьях сборника, посвященных французскому и немецкому россиеведению³⁰.

Определяющими в выстраивании траектории развития русских исследований в США в настоящей работе явились фундаментальные статьи американских историков Т. Эммонса и А. Рибера³¹. Как и все, что выходит из-

²⁸ *Агеева В.В.* «Экзистенциальные лабиринты» Russian studies: История советской и постсоветской России в современной англо-американской историографии // Изучение России современными историками Запада и Востока: Коллективная монография. М.: Квадрига, 2019. С. 85-116.

²⁹ *Рогаева И.Е.* История России сквозь призму англо-американского россиеведения // Там же. С. 65-84.

³⁰ *Трубникова Н.В.* Основные исследовательские парадигмы французского россиеведения в 1990-2010-х гг. // Изучение России современными историками Запада и Востока: Коллективная монография. М., 2019. С. 9-64; *Агеева В.В., Штанько М.А.* Современное немецкое россиеведение: Специфика дискурса, тематические поля и процессы институализации // Там же. С. 117-148.

³¹ *Рибер А.* Изучение истории России в США // Исторические записки. Вып. 3 (121). М., 2000. С. 65–105; *Emmons T.* Russia then and now in the pages of «American historical review» and elsewhere: A few centennial notes // American historical review. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1136–1149.

под пера этих авторов, статьи отличаются глубиной, пронизательностью, широтой охвата и взвешенностью оценок.

Большое значение для диссертационного исследования имеет выдвинутая в конце 1990-х годов концепция М. Дэвид-Фокса о трех поколениях американских историков-русистов – «отцов», пришедших в науку в 1940-е годы, «детей», которые вышли на сцену в 1960-е, и «внуков» постсоветского периода, каждое из которых опиралось на определенную исследовательскую парадигму³². Схема Дэвид-Фокса далеко не бесспорна. Она условна, как всякие схемы, и, в частности, не учитывает эффект «наслоения»: представители старшего поколения продолжали активно работать и в середине 1990-х годов, как, например, Р. Пайпс и М. Малиа. Вряд ли можно согласиться и с авторской трактовкой смены научных парадигм. В историографии императорской России влияние или же значимое присутствие тоталитарной парадигмы в послевоенное время не просматривается. Тем не менее предложенное деление на поколения представляется достаточно полезным, поскольку вводит столь необходимое для историографического исследования «человеческое измерение». В отечественной науке этот подход с успехом был реализован Л.А. Сидоровой в ее исследованиях советской исторической науки³³.

С некоторых пор, под влиянием «культурологического поворота», отечественные исследователи начали обращаться к изучению образов России в зарубежной науке. Одним из неудачных примеров являются работы А.В. Лаптевой, казалось бы, ближе всего подходящие к теме исследования³⁴. Главный источник ее вдохновения – труды философов и публицистов эпохи

³² Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 5-47.

³³ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008.

³⁴ Лаптева Е.В. Американское россиеведение: образ России. Екатеринбург, Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

холодной войны, т.е. произведения, относящиеся не к профессиональному, а к публичному дискурсу, в котором главенствующее положение занимали консервативно-пессимистические интерпретации.

Плодотворный подход к изучению публичного дискурса представлен в фундаментальной монографии В.И. Журавлевой, в которой исследуются образы России, сложившиеся в США в период 1881-1914 гг.³⁵. Анализируя общественное мнение, автор выделил несколько дискурсов о России, которые сохранили свое значение до настоящего времени: либерально-универсалистский, консервативно-пессимистический, русофильский и радикальный. Большую роль в них играли бинарные оппозиции ««прогресс-регресс», «цивилизация-варварство», «современность-средневековье», что было особенно важным для построения «демонического» образа официальной России. Использованный В.И. Журавлевой имагологический подход, так же как и ее конкретно-исторические наработки, имеют более чем существенное значение для изучения проблематики, заявленной в диссертационном исследовании.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые представлено комплексное исследование дисциплины *Russian studies* в ее историческом развитии, выявлены основные линии и тенденции в зарубежной историографии императорской России, определявшие ее траекторию с послевоенного времени. Показана тесная связь эволюции интерпретаций историков-русистов со сменой научных парадигм, а также ее обусловленность транснаучными факторами, включая интеллектуальный климат и политическую повестку дня. Выявлены и охарактеризованы историографические образы императорской России, сложившиеся в профессиональном дискурсе зарубежного руссиеведения на протяжении его существования.

³⁵ Журавлева В.И. Понимание России в США...

Теоретическая значимость. Используемый в работе междисциплинарный культур-антропологический подход вносит существенный вклад в развитие отечественной науки, открывая новые перспективы для дальнейшего наращивания исторического знания в такой недостаточно изученной области, как зарубежное руссиеведение. Этой же цели служит применение идентитарной методологии в исследовании зарубежной историографии. Кроме того, представленный анализ развития отдельной исторической дисциплины высвечивает определенные закономерности, которые носят общенаучный характер.

Практическая значимость. Материалы настоящей работы могут быть использованы при подготовке лекционных и специальных курсов по истории России. Вместе с тем они могут служить своего рода навигатором для исследователей, обращающихся к зарубежной историографии, который даст определенные точки отсчета для изучения конкретно-исторических тем.

Достоверность результатов исследования определяется широтой источниковой базы, включающей в себя более 800 опубликованных материалов, которые были отобраны по строгим критериям репрезентативности, а также применением научного метода их анализа в соответствии с принципами объективности и историзма.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в 64 публикациях общим объемом 108,6 п.л., в том числе в 18 статьях общим объемом 17 п.л. в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология, 6 статьях в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России и 2 монографиях.

Положения работы были представлены автором в докладах на международных и российских научных конференциях: Международная

научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения П.А. Зайончковского (Москва, 2004); XII Всероссийская научно-теоретическая конференция «Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное» (Москва, 2008); Международная научная конференция «Теории и методы исторической науки: Шаг в XXI век» (Москва, 2008); Третья международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем» (Череповец, 2010); Международная научная конференция «Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого» (Москва, 2011); Всероссийская научная конференция «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.)» (Оренбург, 2012); Пятая Международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН «Женщины и мужчины в контексте исторических перемен» (Тверь, 2012); Международная научная конференция «Меняющееся восприятие России в США. Меняющееся восприятие США в России» (Москва, 2013); Третий международный научный семинар «Мировая русистика: институты, научные школы, перспективные направления» (Смоленск, 2016); Ежегодная всероссийская научная конференция памяти заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Л.Г. Захаровой «Самодержавие и реформы в Российской империи» (Москва, 2018; 2019); Всероссийская научная конференция «Российская власть как фактор исторического процесса». Круглый стол (Москва, 2019); 3-я Международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» (Москва, 2020).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сложившийся к середине XX в. фундамент исторических знаний о России за рубежом, состоявший из фактов, стереотипов и мифов, а также историографических клише, следует анализировать в тесной связи с системой взглядов и базовых представлений европейцев и затем американцев не столько о России, сколько о самих себе как о «Западе». В своих исследованиях истории императорской России зарубежные специалисты выступали как представители западной цивилизации, изучающие «Другого».

2. На начальном этапе развития русистике воздействие на зарубежных ученых национальной историографии осуществлялось русской эмиграцией, которая стала своего рода «ретранслятором» идей русской дореволюционной традиции за рубежом. Начиная с 1960-х годов большую, но неоднозначную роль начинает играть советская историческая наука. На современном этапе складывается интернациональная, глобальная по своему характеру историография России, языком научной коммуникации в которой является английский язык.

3. В 1960-е годы в зарубежной исторической русистике окончательно складывается профессиональный историографический дискурс о России. Утвердившаяся в этот период социально-научная парадигма и ее главный аналитический инструмент анализа истории императорской России – теория модернизации – определили доминирование социальной истории и интерес к процессам индустриализации и урбанизации, развитию образования и формированию политических институтов. Основная масса исследований была посвящена второй половине XIX – началу XX в. Большую роль для либерального прочтения истории России играли исследования реформаторских усилий самодержавия и бюрократии как «агента модернизации». Поскольку центральное место в зарубежной историографии 1960-1980-х годов занимали поиски причин революции 1917 г., всеобъемлющей рамкой для зарубежной русистики того времени являлось

понятие «кризиса старого режима», которое господствовало как в советской, так и в зарубежной историографии. Этим определялся интерес к таким темам, как история рабочего класса, крестьянства и других социальных групп, а также революционное движение.

4. В период холодной войны в зарубежном россиеведении выделяются два историографических образа императорской России. Один, консервативный, в большей мере принадлежал к публичному дискурсу и акцентировал ее экзотичность, самобытность и уникальность. Главными характеристиками страны выступали деспотизм ее правителей и покорность населения, а также российский экспансионизм, милитаризм и мессианство. Присутствовал и элемент ориентализации, указывавший на противоположность России «Западу» прежде всего в том, что касалось «свободы», «развития» и «прогресса». В профессиональных интерпретациях истории императорской России господствовал нарратив «упадка и разрушения». Второй образ, в большей степени актуальный для профессиональной сферы, был сосредоточен на России императорского периода. Он основывался на либеральном прогрессистском видении истории, на теориях модернизации и развития, что определяло поиски «несоответствий» и «отставания» России, идущей по пути европеизации (вестернизации), но находящейся во «втором эшелоне» модернизирующихся стран. Оба образа представляют собой взгляд «со стороны» и в какой-то степени «свысока».

5. После распада СССР в зарубежной русистике происходят глубочайшие изменения. Она переживает настоящий взлет в том, что касается усвоения новых методологических подходов и количества публикуемых исследований. В условиях деидеологизации дисциплины и борьбы с европоцентризмом складывается новый историографический образ императорской России. Ее начинают рассматривать как равноправную участницу общемирового исторического процесса, как многонациональную

империю, которую характеризуют многовековая стабильность, международный авторитет, богатство истории и культуры.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** характеризуются актуальность и научная значимость исследования, его источниковая база и степень изученности проблемы, определяются его объект, предмет, цели и задачи, хронологические и географические рамки, методологическая основа, оцениваются его научная новизна, теоретическая и практическая ценность, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации работы.

В главе 1 «У истоков формирования зарубежного россиеведения», состоящей из двух параграфов, рассматривается, как создавался «фундамент» россиеведения, который состоял из комплекса представлений о России за ее пределами, с одной стороны, и из первых профессиональных работ о ней – с другой. В *первом параграфе* особое внимание уделяется понятийным категориям, и прежде всего истории формирования социально-политического концепта «Запад» в его взаимоотношениях с Россией. Он составлял существенную часть саморефлексии европейцев, а затем и американцев, способствуя выковыванию их собственной идентичности, и окончательно оформился в эпоху холодной войны. Другие концепты, имевшие прямое отношение к России и представленные чаще всего в форме бинарных оппозиций («свобода/рабство», «цивилизация/варварство» или же «восточный деспотизм»), стали интегральной частью либеральной схемы исторического процесса, неотъемлемой характеристикой которой являлся европоцентризм.

Во втором параграфе рассматривается постепенное нарастание интереса к истории России в Великобритании, Германии, Франции и США начиная с 1870-х гг., возникновение там первых славистических центров, появление первых профессиональных работ о России, формирование либеральной традиции в изучении ее истории. Показано взаимодействие

зарубежных ученых с русскими историками, а после революции 1917 г. – с историками-эмигрантами, которые внесли большой вклад в развитие англоязычной историографии.

Глава 2 «Первый этап профессионального изучения истории России в англоязычных странах (конец 1940-х – 1960-е годы)» состоит из трех параграфов и посвящена рассмотрению как институциональных основ, так и содержательной стороны зарубежного россиеведения. *В первом параграфе* прослеживается история создания дисциплины Russian studies: организация первых исследовательских центров в крупнейших университетах США и Великобритании, основание Американской Ассоциации содействия славянским исследованиям (1948) и др. Анализируются особенности региональных исследований как дисциплины, дается «человеческое измерение» зарубежного россиеведения, с характеристикой представителей первого поколения историков-русистов (Р. Бернс, С. Бэрн, Р. Пайпс и др.).

Во *втором параграфе* рассматривается проблема «Россия и Запад», занимавшая центральное место в англо-американской историографии эпохи холодной войны. Подчеркивается превалирование в этот период публичного дискурса о России с преобладанием в нем консервативно-пессимистического образа самобытной и деспотической страны. Анализируются дискуссии «Россия и Восток», «Россия и Запад», прошедшие в журнале “Slavic review”, а также итоги первых представительных конференций и первые специальные монографии, посвященные России XIX в. В конце 1950-х годов Russian studies получают новый импульс для своего развития: расширяется их инфраструктура не только в США, но и в западноевропейских странах, утверждаются новые теории. Этим сюжетам посвящен *третий параграф*, в котором получили рассмотрение теория модернизации, историческая социология Макса Вебера и теории бюрократии в их приложении к изучению истории России. Показано, что к концу 1960-х годов в зарубежном

россиеведении складывается профессиональный историографический дискурс.

Глава 3 «Второй этап развития зарубежной историографии России: Конец 1960-х - 1980-е годы» состоит из двух параграфов. В *первом параграфе* дается общая характеристика периода, наступившего после переломного для всего западного мира 1968 г. Он отмечен реформами в сфере науки и образования, а также утверждением в исторической науке социально-научной парадигмы и развитием социальной истории. Этот период характеризуется приходом в науку нового («среднего») поколения историков-русистов, с более левыми взглядами, а также развитием взаимодействия с советской исторической наукой, которое рассматривается на уровне институций (журнал «Критика», издававшийся в 1964-1984 гг.) и личных контактов в ходе научных обменов (на примере стажеров П.А. Зайончковского).

Во *втором параграфе* подчеркивается, что в центре внимания зарубежной историографии императорской России находились причины русской революции, которые рассматривались в рамках понятия «кризиса самодержавия» - политического, социально-экономического (аграрного), управленческого. Отсюда – особый интерес к истории пореформенного периода. Характеризуются основные направления, получившие развитие в зарубежной русистике в 1960-1980-е годы: история политических партий, революционного движения, экономическая и политическая история, с особым вниманием к изучению институций и реформ. В то же время на сцену выходит социальная история, в круг интересов которой первоначально входило изучение «угнетенных». Затем происходит расширение исследовательского поля, что показано на примере женской истории. Развиваются исследования рабочих, крестьянства, купечества и других социальных групп, причем в течение исследуемого периода наблюдалась определенная эволюция в сторону усиления интереса к культуре и менталитету и обогащения проблематики в русле социально-культурной истории. В рассмотренных

исследованиях просматриваются два историографических образа императорской России, сложившиеся к этому времени (консервативный, близкий к публичному дискурсу, и либерально-универсалистский, основанный на теории модернизации).

Глава 4 «Изучение внутренней политики России XIX в. в зарубежной историографии 1960-1980-х годов: Бюрократия и реформы» является проблемно-тематической и представляет собой развернутый пример историографического массива, посвященного изучению крупной темы и ограниченного хронологически: в 1990-е годы изучение российских реформ в зарубежном россиеведении угасает. В центре внимания исследователей находилась проблема совместимости самодержавной власти с процессами модернизации. *В первом параграфе* рассматриваются исследования правительственного аппарата самодержавной России, который изучался как в русле административной истории отдельных институций – министерств и ведомств, так и социальной истории российской бюрократии. Особое внимание уделяется анализу ее мировоззрения и политической культуры (в контексте выявления в среде чиновничества «кадров реформаторов», сыгравших большую роль в подготовке реформ 1860-1870-х годов).

Во втором параграфе анализируются интерпретации Великих реформ как «поворотного пункта» в истории России, в которых выстраивается общий план трансформации страны. Подробно рассматривается изучение подготовки и проведения крестьянской реформы, характеризуются исследования судебной, земской и военной реформ. *Третий параграф* посвящен концепции преемственности и внутреннего единства реформаторского процесса в России XIX в., которая окончательно сложилась в американской русистике в 1980-е годы в ходе изучения политики контрреформ и реформ П.А. Столыпина. Показано, что концепция создавалась в ходе «проверки на прочность» постулатов предшествующей историографии и была окончательно

сформулирована на международных конференциях, состоявшихся на рубеже 1980-1990-х гг.

В **Главе 5 «Третий этап в развитии зарубежной историографии России: После холодной войны»** анализируется новая фаза в изучении истории императорской России, которая распадается на два периода: «революционные 90-е» (в контексте «архивной революции») и период относительной стабильности начиная с 2000 г. В *первом параграфе* освещается перестройка дисциплины Russian studies в условиях деидеологизации, борьбы с наследием холодной войны и встраивания в зарубежную науку «на общих основаниях», с одной стороны, и борьбы за выживание в связи с сокращением финансирования и падением общественного интереса к России – с другой. Фиксируются изменения в составе исследовательского сообщества, которое в условиях глобализации стало космополитическим, в результате чего дисциплина утратила свой «западный» характер.

Во *втором параграфе* освещаются новые методологические подходы, которые дали импульс для изучения новых тем. В нем кратко характеризуются многочисленные «повороты» в мировой историографии (культурный, лингвистический, антропологический и др.) и фиксируется смена научных парадигм в зарубежном русистике с социальной на культурологическую. Доминирующее положение начинает занимать «новая культурная история», обозначившая сближение истории и литературоведения и активно использующая методологию постколониальных, гендерных и культуральных исследований. Изменение проблематики продемонстрировано на примере таких новых для русистики тем, как религия и история консюмеризма.

В *третьем параграфе* анализируются исследования, в которых традиционные для русистики темы исследуются при помощи новых методологических подходов. Среди них – феномен самодержавия, изучение которого сосредоточивается на символике и мифологии как основных

инструментах легитимации монархии. Иначе интерпретируется николаевское царствование, предложен новый угол зрения на итоги судебной реформы; крепостное право и несвободный труд рассматриваются в глобальном контексте. Массив представленных исследований позволяет сделать выводы о серьезных изменениях в интерпретациях императорской России: это «другая история».

Глава 6 «Россия как многонациональная империя: современные зарубежные исследования» характеризует весьма обширный корпус литературы по имперской проблематике. В *первом параграфе* дается представление об «имперском повороте» в мировой историографии, анализируется соотношение понятий «империя» и «национальное государство», выявляются основные подходы и проблематика исследований, подчеркивается международный характер современной историографии России как многонациональной империи.

Во *втором параграфе* рассматриваются исследования, посвященные строительству Российской империи начиная с XVI в., сначала в евразийском, а затем в европейском контексте, с акцентом на ее внутренней политике. В центре внимания историков-русистов находятся окраины империи, создание имперских институций и сохранение многообразия, с чем связывается особая толерантность России по отношению к языку, культуре и религии ее многоплеменных подданных. На примере исследований этноконфессиональной политики Российской империи выявляются основные стратегии империостроительства и форм освоения имперского пространства.

Интерпретациям причин распада Российской империи посвящен *третий параграф*. В нем показано, что выделение отдельного периода – «непрерывного кризиса 1914-1921 гг.», предложенное американским историком П. Холквистом, стало определяющим для зарубежной историографии. Первой мировой войне начали придавать особое значение как фактору гибели империи. Углубленные исследования социальных процессов,

происходивших в прифронтовых зонах Восточной Европы (включая депортации, беженство, обострение национализма, рост насилия и др.) существенно изменили интерпретации Русской революции и «конца старого режима».

На современном этапе сложился новый, весьма позитивный историографический образ России как многонациональной империи, которую характеризуют многовековая стабильность, международный авторитет, богатство истории и культуры.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы, касающиеся, во-первых, особенностей функционирования зарубежного россиеведения как научной дисциплины, во-вторых, его теоретических основ в контексте смены научных парадигм, и в-третьих – самих интерпретаций зарубежных историков-русистов. Дается развернутая характеристика историографических образов императорской России, сложившихся в зарубежной исторической русистике в ходе ее эволюции, а также их места в общем дискурсе о России на современном этапе.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология:

1. *Большакова О.В.* П.А. Зайончковский и его американские ученики // Отечественная история. 2004. № 5. С.158-177. (1,5 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,420.

2. *Большакова О.В.* Рец. на кн.: Randolph J. The house in the garden: the Bakunin family and the romance of Russian idealism (Urbana, 2007) //

Отечественная история. 2010. № 5. С.199-202. (0,5 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,420.

3. *Большакова О.В.* «Ситуация безусловно крайне серьезная...»: Британский дипломат о предстоящей отмене крепостного права в России // Родина. 2011. № 5. С. 92-94. (0,4 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,074.

4. *Большакова О.В.* Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 14-26. (2 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,432.

5. *Большакова О.В.* «Соединенными усилиями»: изучение отмены крепостного права в СССР и США // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 2. С.59-67. (0,6 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,178.

6. *Большакова О.В.* Восток и Запад: история и современное состояние восточных исследований // Славяноведение. 2012. № 4. С. 110-113. (0,3 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,100.

7. *Большакова О.В.* Аграрные реформы Столыпина в англоязычной историографии // Российская история. 2012. № 2. С. 164-172. (0,9 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,475.

8. *Большакова О.В.* Russian studies: о терминах и не только // Российская история. 2013. № 1. С. 147-151. (0,8 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,450.

9. *Большакова О.В.* Другая история: Современная американская историография России // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Вып. 7 (30) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000838-0-1>. (Дата обращения: 17.12.2021) (0,9 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,052.

10. *Большакова О.В.* Долгое возвращение в Европу: Изучение Первой мировой войны и американская русистика // Российская история. 2014. № 5. С. 26-35. (0,9 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,351.
11. *Большакова О.В.* Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // Российская история. 2016. № 6. С. 162-174. (0,9 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,350.
12. *Большакова О.В.* 50-летие Октября на страницах американской научной периодики // Российская история. 2018. № 6. С. 57-64. (0,8 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,791.
13. *Большакова О.В.* Кризис российской империи 1890-1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. № 2. С. 158-171. (1,2 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,543.
14. *Большакова О.В.* Гендерные исследования российского двадцатого века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 318-328. (В соавторстве с Н.Л. Пушкаревой). (0,8/1,2 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,632.
15. *Большакова О.В.* Сэр Дональд Маккензи Уоллес и его «Россия» // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 170-178. (0,8 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,265.
16. *Большакова О.В.* Проблема «Россия и Запад» в англоязычной историографии 1940-1960-х годов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 78-99. (1,4 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,226.
17. *Большакова О.В.* Россия как многонациональная империя: Итоги и перспективы изучения // Российская история. 2021. № 4. С. 163-177. (1,5 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,514.
18. *Большакова О.В.* Исследования России/СССР и стран Восточной Европы после холодной войны: новое лицо дисциплины // Roczniki

Humanistyczne. 2021. T. LXIX, N 7. S. 35-48. (0,8 п.л.). Импакт-фактор по WoS 0,07.

Публикации в журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

19. *Большакова О.В.* Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 139-157. (1 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,296.

20. *Большакова О.В.* Экономические предпосылки и последствия крестьянской реформы 1861 года: Новые интерпретации зарубежных историков // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 3(15). С. 186-194. (0,6 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,028.

21. *Большакова О.В.* О новой концепции истории России в современной американской историографии // История и историки: Историографический вестник / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории, Комиссия по истории исторической науки. 2009-2010 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2012. С. 42-70. (2 п.л.).

22. *Большакова О.В.* Проблема «Россия и Запад» в контексте «транснационального поворота» (о двух новых книгах американских историков) // История и историки: Историографический вестник / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории, Комиссия по истории исторической науки. 2011-2012 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2013. С. 214-224. (0,8 п.л.).

23. *Большакова О.В.* Мост через Атлантику: Американский журнал «Критика» и советская историография в годы холодной войны // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 1(29). С. 207-220. (1 п.л.). Импакт-фактор по РИНЦ 0,279.

24. *Большакова О.В.* «Имперский поворот» в американской русистике // История и историки: Историографический вестник / Рос. Акад.

наук, Ин-т рос. истории, Комиссия по истории исторической науки. 2013-2014 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2015. С. 140-161. (1,5 п.л.).

Монографии:

25. *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX – начала XX в.: Американская историография. М.: Наука, 2008. 263 с. (17 п.л.).

26. *Большакова О.В.* Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2013. 216 с. (15 п.л.).

Другие публикации по теме диссертации:

27. *Большакова О.В.* Российская империя: Система управления. (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. М., 2003. 94 с. (5,7 п.л.).

28. *Большакова О.В.* «Замечательное десятилетие»: 1991 год и изучение истории дореволюционной России в США (Аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий / ИНИОН РАН. М., 2003. С. 182–204. (1 п.л.).

29. *Большакова О.В.* Новая политическая история России: Современная зарубежная историография: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 2006. 98 с. (6 п.л.).

30. *Большакова О.В.* Русская революция глазами трех поколений американских историков // 1917 год. Россия революционная. М.: ИНИОН, 2007. С. 7-35. (1,2 п.л.).

31. *Большакова О.В.* Американская мозаика // Вестник института Кеннана в России. Вып. 12. М., 2007. С. 35-43. (0,5 п.л.).

32. *Большакова О.В.* П.А. Зайончковский и американская русистика 1960-80-х гг. // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 828-842. (1 п.л.).

33. *Большакова О.В.* Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции. М.: РУДН, 2008. С. 81-88. (0,5 п.л.).

34. *Большакова О.В.* Пересмотр старых парадигм: Американская русистика после распада СССР // Теории и методы исторической науки: Шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М., 2008. С. 139-141. (0,2 п.л.).

35. *Большакова О.В.* Изучение истории русской революции в США после окончания холодной войны // Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизации. Харьков, 2009. Вып. 6. С. 266-279. (1,1 п.л.).

36. *Большакова О.В.* Стирая границы: Современная англоязычная историография религии и религиозности в императорской России // Церковь и религиозное сознание в Новое и новейшее время. М., 2010. С. 23-61. (2 п.л.).

37. *Большакова О.В.* Путешествие во времени: Культура императорской России в современной англоязычной историографии // История России в современной зарубежной науке. Ч. 2. М., 2010. С. 115-137. (1,5 п.л.).

38. *Большакова О.В.* История России в гендерном измерении. Современная зарубежная историография: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. М., 2010. 122 с. (7 п.л.).

39. *Большакова О.В.* Периодизация гендерной истории России в зарубежной русистике // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы Третьей международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 1–3 ноября 2010 года, Череповец. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2. С. 469-475. (0,2 п.л.).

40. *Большакова О.В.* Россиеведение & Russian studies: Зарубежный опыт // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Вып. 1. М., 2010. С. 258-269. (1 п.л.).

41. *Большакова О.В.* Проблемы изучения крепостного права в России на страницах журнала «Критика» // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. М., 2011. С. 221-233. (0,9 п.л.).

42. *Большакова О.В.* Рецензия на кн.: Women and gender in Central and Eastern Europe, Russia and Eurasia: a comprehensive bibliography / Ed. by Mary Zirin ... et al. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2007. 2 v. // Социальная история. Ежегодник. М., 2012. С. 428-433. (0,6 п.л.).

43. *Большакова О.В.* Проблемы изучения местного управления в англоязычной историографии императорской России // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всеросс. научной конф. (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / Под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. Оренбург, 2012. С. 461-464. (0,5 п.л.).

44. *Большакова О.В.* Гендерная история России в американской русистике нового тысячелетия // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой Международной научной конференции РАИЖИ. Тверь, 4-7 октября 2012 г. / Отв. ред. А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 548-551. (0,2 п.л.).

45. *Большакова О.В.* 1812 год и русское национальное самосознание: Англоязычная историография // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Вып. 3. М., 2012. С. 385-400. (1 п.л.).

46. *Большакова О.В.* История России XX в. в США: Темы и парадигмы // Зарубежное россиеведение / Под ред. Безбородова А.Б. М.: Проспект, 2012. С. 370-397. (1,5 п.л.).

47. *Большакова О.В.* Периодизация истории России в трудах американских историков // Периодизация истории и «переходные периоды» в современной зарубежной историографии: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. М., 2012. С. 104-115. (0,5 п.л.).

48. *Большакова О.В.* История науки – история страны // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. М., 2014. С. 5-14. (0,6 п.л.).

49. *Большакова О.В.* Формирование нового человека: Биомедицинские науки в России XIX-XX века. (Современная англоязычная историография). (Аналитический обзор) // Наука в СССР: Современная зарубежная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. М., 2014. С. 47-80. (2 п.л.).

50. *Большакова О.В.* На Восточном фронте без перемен: Зарубежная русистика о гендерной истории Первой мировой войны // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Вып. 5. М., 2014. С.383-396. (1 п.л.).

51. *Большакова О.В.* Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Вып. 6. М., 2016. С. 353-385. (2,2 п.л.).

52. *Большакова О.В.* Конфессиональная политика Российской империи: англоязычная историография. (Аналитический обзор) // Религия и церковь в истории России: Современная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. М., 2016. С. 72-108. (2,5 п.л.).

53. *Большакова О.В.* Религиозная проблематика в современной историографии России: Предисловие // Религия и церковь в истории России: Современная историография: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. М., 2016. С. 5-22. (1 п.л.).

54. *Большакова О.В.* Распад империй и Русская революция: Современная зарубежная историография // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Вып. 7. М., 2018. С. 235-253. (1,2 п.л.).

55. *Большакова О.В.* Российская империя в современных исследованиях: Евразийская парадигма // ИАЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2018. S1. С. 79-97. (1,2 п.л.).

56. *Большакова О.В.* Конец Российской империи: Современные интерпретации // Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. М., 2019. С. 150-172. (1,3 п.л.).

57. *Большакова О.В.* Статистика в пореформенной России: современные дискуссии // ИАЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2019. № 2. С. 75-88. (0,8 п.л.).

58. *Большакова О.В.* Россия как империя: Современный взгляд // Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. М., 2019. С. 5-18. (0,8 п.л.).

59. *Большакова О.В.* 1917-2017: американский взгляд на русскую революцию // В поисках утраченного времени: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Глебова И.И. М., 2019. С. 169-179. (0,7 п.л.).

60. *Большакова О.В.* Консюмеризм в Российской империи и СССР: Взгляд зарубежных историков // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 2. С. 37-63. (2 п.л.).

61. *Большакова О.В.* Зарубежное белорусоведение в контексте дисциплины Russian and East European Studies // Россия и Беларусь: История и культура в прошлом и настоящем. Материалы исследовательского проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция

методологических подходов и оценок». Вып. 6. Смоленск: Изд. СмолГУ, 2020. С. 79-87. (0,5 п.л.).

62. *Большакова О.В.* Женские и гендерные исследования России в англоязычных странах // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: Сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Часть 1. М., 2020. С. 17-20. (0,2 п.л.).

63. *Большакова О.В.* Рец. на книгу: Smith-Peter S. *Imagining Russian regions: Subnational identity and civil society in nineteenth-century Russia*. Leiden; Boston: Brill, 2018. XIV, 328 p. // ИАЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2021. № 2. С. 61-67. (0,4 п.л.).

64. *Большакова О.В.* Империя, нация и концепт современного государства. (Размышления о книге «Империя и общность в контактных зонах Евразии») // ИАЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5. История. 2021. № 4. С. 7-26. (1 п.л.).